ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-301-306
NIION: 2018-0076-2/23-122
MOSURED: 77/27-023-2023-2-122

САНГУЛИЯ Аслан Даурович,
Старший преподаватель кафедры Государства и права Юридического факультета Абхазского государственного университета, Республика Абхазия, г. Сухум, e-mail: asanguliya@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «ПРАВО В СУБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ» В КОНЦЕПЦИИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПРАВА М.Н. КАПУСТИНА

Аннотация. *Статья посвящена проблеме определения понятия субъективного права в контексте современного российского правоведения и правоведения второй половины XIX века. Автор исследует особенности подхода одного из выдающихся правоведов XIX века М.Н. Капустина к решению данной проблемы, определяет его эвристическое значение для современного правоведения. В статье показано, что эффективность позитивно-нормативного подхода к проблеме М.Н. Капустина определяется последовательной формально-юридической интерпретацией проблемы субъективного права, его трактовкой как категории «право в субъективном смысле».*

Ключевые слова: *право, субъективное право, право в субъективном смысле, энциклопедия права, юридическая догматика.*

SANGULIYA Aslan Daurovich,
Senior lecturer of the State and Law Department of the Faculty of Law of Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

THE CATEGORY “LAW IN THE SUBJECTIVE SENSE” IN THE CONCEPT OF THE ENCYCLOPEDIA OF LAW BY M.N. KAPUSTIN

Annotation. *The article dedicated to the problem of subjective law concept definition in the context of contemporary Russian jurisprudence and Russian jurisprudence of second half of XIXth century. The author studies the approach peculiarities of one of the famous lawyers M.N. Kapustin to the problem, defines of its significance to contemporary jurisprudence. The article shows that affectivity of positive-normativ approach to the problem of M.N. Kapustin is depended by consistent formalistic-juridical interpretation of subjective law problem interpretation as a category of “law in the subjective sense”.*

Key words: *law, subjective law, law in the subjective sense, encyclopedia of law, juridical dogmatic.*

В современной российской правовой науке проблема определения юридической природы субъективного права занимает особое место. Дискуссия о его природе длится на протяжении трех десятилетий, не приведя к общепринятому пониманию самого явления субъективного права, его юридической сущности. Основы теоретических представлений о субъективном праве в российском правоведении были сформулированы в XIX веке. Однако на современные теоретические представления непосредственное влияние оказывает советская правовая доктрина, в основе которой, как известно, лежит нормативное правопонимание. Некоторые исследователи, систематизируя все разнообразие мнений юристов-теоретиков, совокупность сложившихся подходов подразделяют на три группы, к первой относя теории отрицательного определения субъективного права, ко второй, положительного определения, к третьей – комбинированные теории, совмещающие признаки первого и второго подходов [1]. В соответствии с певой группой теорий, субъективное право представляет собой категорию, выражающую предоставляемую пра-

вом управомоченному возможность требовать соответствующего поведения от обязанного лица, обеспечивающего реализацию права. Такая позиция сложилась еще в советской правовой доктрине, восходя к работам О.С. Иоффе, С.Ф. Кечекьяна, С.И. Вильянского и некоторых других советских теоретиков [2, 3, 4]. Вторая группа теорий отождествляет субъективное право с дозволением законом управомоченному действовать соответствующим образом. Этот подход также сложился в советской правовой теории, одним из наиболее его известных проводников является С.Н. Братусь [5]. К третьей группе относятся теории, объединяющие в понятии субъективного права как дозволенное поведение управомоченного, так и предписанное нормой поведение обязанного лица. Этот подход также уходит своими корнями с советское правоведение [6, 7].

Отечественные учения о субъективном праве, как правило, базируются на положении о том, что его следует рассматривать в качестве основной категории, характеризующей правоотношения, которые имею фундаментальное значение для правовой теории. В позитивно-нормативной трактовке правоотношений субъективное право предстает как обусловленное юридической нормой правомочие лица, означающее обязанность иных лиц, исполнение которых является гарантией его осуществления. Такая трактовка субъективного права наталкивается на ряд противоречий, связанных с понимание самой природы субъективного и объективного. Включение интереса, цели и воли субъекта в контекст понятия субъективного права не является решением проблемы, поскольку в контексте нормативного правопонимания они не имею юридической природы. Но такие метаюридические попытки решения проблемы представляются неизбежными, они означают косвенное признание методологической ограниченности нормативного правопонимания, необходимость его дополнения иными значимыми принципами и идеями. Соглашаясь с тем, что «нет субъективного права без обязанности, нет субъективного права вне правоотношения» [1], все же, следует искать иные способы его трактовки.

В качестве наиболее укорененной точки зрения следует признать положение о том, что субъективное право является вторичным по отношению объективному. То есть, это «вид и мера возможного поведения участников правоотношений, гарантируемого системой действующего законодательства и правоохранительной деятельностью государства» [8 с. 614]. Очевидно, что определение субъективного права как вида и меры возможного поведения, а юридической обязанности как вида и меры должного поведения, которые приобретают свой смысл и значение в контексте правоотношения, является наиболее корректным, последовательным в обосновании этой точки зрения [9].

В контексте краткого обзора современных теоретических представлений о субъективном праве нельзя не упомянуть и о попытках определения его природы в контексте правового сознания. Согласно этой точке зрения, именно отражение в правосознании делает нормативно закрепленную возможность субъективным правом. По мнению одного из авторов, «субъективное право есть отражение правовой действительности в правосознании субъекта права, позволяющее выявить основанную на норме объективного права меру возможного поведения в целях удовлетворения законного интереса, выражающуюся в возможности совершения определенных действий самим управомоченным лицом, в возможности управомоченного лица требовать определенного поведения от обязанного лица, а также в возможности прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государства» [10 с. 11]. Данная точка зрения интересна тем, что представляет собой попытку синтетического определения, интегрирующего сложившиеся в современной теории подходы, признаваемые не удовлетворительными. Ее особенность в том, что она, также как и некоторые другие указанные выше подходы, включает в категорию субъективного права не юридические признаки, каковым является правосознание, отождествляет механизм правового поведения с самим правом.

Описанная ситуация, сложившаяся в российском правоведении по вопросу о природе субъективного права, делает актуальным обращение к предшествующему теоретическому опыту российского правоведения в решении данной проблемы, тем более что в значительной степени он является источником советских и современных трактовок этого юридического явления. Интерес представляет то обстоятельство, что многие подходы, сложившиеся в дореволюционном правоведении нашли себе место и в современной теории. Так, нормативистская трактовка была распространена и в то время. Помимо этого, большое распространение получила и волевая теория, теория интереса, психологическая трактовка субъективного права. По сути дела, приведенный выше обзор современных представлений позволяет утверждать, что каждый из этих подходов нашел себе место в современной российской науке права. Тем не менее, следует констатировать и важную особенность современных подходов. Она заключается в том, что, в отличие от дореволюционных теорий, современные теоретические представления, часто, стремятся присоединить к доминирующему нормативному правопониманию

идеи иных его типов, что следует охарактеризовать как методологическую непоследовательность.

По мнению автора настоящей статьи, каждая теория субъективного права базируется на соответствующем способе интерпретации сущности и природы права, методологические возможности которой определяют их научную состоятельность. В настоящей статье нет возможности рассмотреть всю совокупность распространенных в дореволюционной России теорий субъективного права. В силу этого мы остановимся на его теоретической интерпретации одним из теоретиков того времени, которая, на наш взгляд, является примером характерной тенденцией того времени. Речь идет о теоретических представлениях Михаила Николаевича Капустина (1828 - 1899), оставившего значительный след в общей теории права благодаря своей концепции энциклопедии права, которую следует рассматривать в качестве одной из первых попыток создания науки общей теории права.

Данный пример интересен еще и тем, что теоретик использует догматический способ изложения теоретических положений, опираясь при этом на синтетическое соединение идей исторической школы права, позитивного и естественного права, полагая, что наблюдение является для правоведения тем методом исследования, который и обеспечивает его научную достоверность.

Для понимания содержания теоретических представлений М.Н. Капустина о субъективном праве, прежде всего, следует охарактеризовать особенности его правопонимания. В связи с этим нельзя не обратить внимания на точку зрения, согласно которой этого теоретика необходимо отнести к представителям школы естественного права. Очевидно, это объясняется тем, что теоретик необходимым для правоведения так называемый философский элемент права, его идею, идею справедливости, некоторое требование разума, требующего признание некоторой совокупности ценностей, нравственно-правовых начал. Но, подчеркнем, у Капустина в данном случае речь идет не столько о праве, сколько о правоведении, о науке права, которая, по его мнению, не может обойтись без идеи права. Согласно теоретику, «Правоведение заключает в себе двоякий элемент: положительный и философский, - право, как оно существует в действительности, и как оно должно быть… Исключить из правоведения философский элемент или так называемое естественное право, значило бы лишить его великой научной силы… Естественное право не существует в действительности, но оно необходимо как требование разума, который всегда ищет идеалов» [11 с. 6].

Приверженность М.Н. Капустина естественному праву была преувеличена и его современниками, один из которых писал: «возникшая в силу «безжизненной пассивности исторической школы» так называемая реалистическая теория Рудольфа Иеринга (1818 -1892), т. е. оппортунизма в праве, провозгласившая более сильного более правым, оставила науке права в исторической школе лишь возможность исследовать прошлое, а догматической школе - отказавшись от будущего, изучать только настоящее. В этих условиях профессор М.Н. Капустин остался верен идеалам естественного права, которые применительно к условиям русской действительности он усвоил в смягченном виде» [12 с. 95].

М.Н. Капустин рассматривал естественное право как общественный идеал, справедливость, постигаемую разумом, в соответствии с которым осуществляется оценка позитивного права. Один из русских правоведов более позднего периода П.Г. Виноградов, принадлежащий к социологическому позитивизму, называл такое «естественное право» литературным источником права [13], с чем, вероятно, был бы согласен и М.Н. Капустин. М.Н. Капустин подчеркивает, что в праве «справедливость» утрачивает содержание метафизического характера, приобретая формально-нормативное значение – «Она устанавливает мерило и соразмерность – равенство и неравенство в каждом отдельном отношении между лицами, если только эти отношения получили внешнее выражение. Этим определяется область права» [11 с. 37].

Принципиально важным для реконструкции правопонимания теоретика является определение им принципов юридического мышления и научного правового исследования. Указывая на наблюдение в качестве основного метода, он акцентирует внимание на эмпирической фиксации повторяемости нормативных предписаний (юридических норм), существующих в контексте их самобытной реализации в контексте культуры народов. Критерием достоверности знания является не соответствие идеальным конструкциям естественного права, а фиксация повторяемости в историческом времени и политическом политико-правовом пространстве современных государств. «Правоведение, как наука, имеет предметом своим отыскание законов, необходимых для упорядочения внешней деятельности людей, живущих в обществе. – подчеркивает ученый правовед - Эти законы открываются из явлений, в которых выражается такое упорядочение в истории и в современной жизни человеческих обществ и которым придается юридический характер. Изучение этих явлений составляет основную задачу правоведения. Наблюдая юридические явления,

юрист обобщает их и выводит те общие нормы, которые получают в них свое выражение» [11 с. 5].

В контексте сказанного следует констатировать, что постулирование естественно-правового характера правопонимания М.Н. Капустина является преувеличением, свидетельствует об абсолютизации значение идеи естественного права в его концепции, которую, очевидно, следует рассматривать исключительно как один из методологических принципов исследования, но не как правовое явление. Правопонимание М.Н. Капустина основано на признании того, что в юридической сфере норма представляет собой формализованное и обязательное требование государственной власти, обеспеченная его принудительной силой. Задача правовой науки не в том, чтобы конструировать новые нормы, а извлекать их из правовой действительности, реальной исторической практики народов, изучение которой позволяет выявить закономерности правового регулирования общественных отношений.

Реконструкция общих методологических установок правовой концепции М.Н. Капустина дает возможность корректной оценки его учения о субъективном праве. Прежде всего, следует отметить, что в контексте его учения данная категория права отсутствует, он предпочитает использовать понятие «право в субъективном смысле», подчеркивая этим то, что не существует какого-либо иного права, оно едино, но при этом имеет разные аспекты выражения, разный смысл, в зависимости от того, рассматривается ли оно в связи с субъектом или безотносительно к нему. То есть, субъективный смысл право приобретает в контексте наделяемых им правомочием обязанностью субъектов (участников) правоотношения. Право в субъективном смысле рассматривается им как предоставляемая правом возможность требовать определенных действий или бездействия от других лиц. Теоретик пишет: «Если жизнь выражается в действиях человеческих или в проявлении сил, внешний предел которых определяется правом, то каждому лицу должна быть дана возможность в этих пределах воздействовать на другие лица. Отсюда вытекает понятие о правах в субъективном смысле, как о возможности требовать действий или бездействия от других лиц» [11 с. 121]. Когда право рассматривается с точки зрения обеспечения свободы лица в его отношениях с другими лицами, речь, по мнению теоретика, идет о праве в субъективном смысле.

В контексте такой интерпретации субъективного права М.Н. Капустин критикует распространенные теоретические представления Р. Иеринга и Ф. Савиньи. Так, согласно Р. Иерингу субъективное право представляет собой юридически охраняемое пользование и защищаемый интерес. Н самом деле, пользование чем-либо является не правом, а его применением, также как и защита интереса наступает лишь после нарушения права. Значит, указанные признаки не входят в понятие субъективного права. Согласно же Савиньи, право в субъективном смысле следует рассматривать как господство одной воли над другой. Но, во-первых, правом обладает и лицо, не наделенное волей, а, во-вторых, поскольку господство следует рассматривать как воздействие, то очевидно, что право не всегда является воздействием, а значит, господством, но всегда – возможность такого воздействия. Поэтому М.Н. Капустин определяет право в субъективном смысле как ту совокупность требований лица, которой оно наделяется объективным правом. Теоретик отождествляет право в субъективном смысле с правомочием, которое есть не что иное, как юридическая возможность лица требовать соответствующих действий или бездействий от других лиц.

В связи с такой концепцией права в субъективном смысле особое значение имеет определение М.Н. Капустиным юридической обязанности. Рассматривая обязанности как закрепленную юридической нормой необходимость подчинения ее предписаниям, М.Н. Капустин подчеркивает их взаимосвязь с правом. Если требования лица не были бы обеспечены обязанностями других лиц, они не имели бы никакой юридической силы. Взаимосвязь прав и обязанностей в юридической норме означает и их взаимообусловленность – без обязанностей нет прав, без прав нет обязанностей.

Очевидно, для М.Н. Капустина было существенным, рассматривая юридические обязанности, провести разграничительную линию с их нравственным аналогом, разграничить право и нравственность в этой сфере. Не смотря на частое совпадение, их природа различна. Прежде всего, нравственные обязанности шире юридических: «нравственная обязанность гораздо шире соответствующего ей права и существует независимо от права; любить должно всех, благотворить всем, хотя право на любовь и благотворительность немыслимо, требовать их никто не может» [11 с. 125]. Ученый строго очерчивает круг юридических признаков права в субъективном смысле, подчеркивая: если, например, речь идет о семейных отношениях, то их правовое регулирование распространяется лишь на юридически значимые отношения, возникающие в союзе мужчины и женщины; при этом любовь, которая может быть очевидной причиной возникновения этих отношений, не является предметом регулирования; но предметом регулирования может стать семейное насилие или имущественные отношения между супругами.

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что, во-первых, право в субъективном смысле М.Н. Капустин рассматривает как правомочие лица, то есть, юридическую возможность требовать соответствующего действия (бездействия) от других лиц; во-вторых, данное правомочие обусловлено юридическими обязанностями других лиц; в-третьих, совокупность прав и обязанностей является элементом единой конструкции юридической нормы, в пределах которой они взаимообуславливают друг друга; в-четвертых, не смотря на то, что требования лица, выражающие его субъективное права, определяются объективным правом, между ними не существует причинно-следственной связи, поскольку содержание объективного права, означает совокупность таких требований, то есть, правомочие.

В заключение статьи, возвращаясь к современным теоретическим представлениям о субъективном праве, концепцию М.Н. Капустина следует охарактеризовать как комбинированную. Однако, с некоторыми оговорками. Дело в том, что теоретик не проводит разграничительной линии между субъективным и объективным правом, придавая категориальное значение этим понятиям. Не смотря на то, что наряду с понятием «право в субъективном смысле» он, порой, использует и понятие «субъективное право», теоретическое значение имеет первое из них. Данная категория отражает предоставляемую правом возможность лица, реализуемую в правоотношениях как правомочие. По мнению автора статьи, такая интерпретация субъективного права имеет современное звучание и не теряет своей актуальности сегодня. В связи с этим, следует отметить, что категория «право в субъективном смысле», вместе с соответствующей теоретической интерпретацией, не только нашла в современном российском правоведении применение, но может рассматриваться как традиционная, не смотря на существование иных подходов. Очевидно, наиболее последовательным проводником такого подхода является Н.И. Матузов, полагающий, что, не смотря на древнюю историю изучения соотношения субъективного и объективного права, она не исчерпала своего значения для современного правоведения. В одной из своих работ в конце 1990-х годов он писал: «вопрос о том, сохраняет ли сегодня свое значение традиционное учение о делении права на объективное и субъективное (иначе говоря - на право в объективном и субъективном смысле) или оно исчерпало себя в свете современных реалий, может иметь только положительный ответ. Конечно, сохраняет. Важно лишь освободить его от прежней догматики, идеологических наслоений, формализма» [14]. В отношении «идеологических наслоений», следует предположить, что они могут быть косвенной причиной отсутствия консенсуса по этому вопросу в науке. Прежде всего, речь идет о способе интерпретации единства объективного и субъективного права. В частности, положение о том, что единственным источником субъективного права является объективное право (закон) наталкивается на идею естественного права (естественных прав), которые присущи человеку независимо от того, закреплены ли они в законе. Тогда «субъективное право» шире «объективного права», а возможное противоречие между ними должно быть устранено законотворчеством. Но такой ход теоретических рассуждений не приближает решение проблемы, все более ее запутывает, поскольку основан на идеологической гипотезе о существовании двух систем прав или «хорошего права и плохих законов».

В настоящей статье мы предприняли попытку показать, что интерпретация М.Н. Капустиным субъективного права посредством категории «право в субъективном смысле» имеет эвристическое значение в том, что исключает подобное удвоение, указывая на существование как юридического явления, как нормы, регулятивное значение которой в контексте правоотношений раскрывается этой категорией. В цитированной выше статье Н.И. Матузов, в частности, обращал внимание и на то, что во многом, данная проблема коренится в отождествлении философского и юридического смыслов понятий объективного и субъективного. Именно поэтому, в целях устранения логико-понятийных коллизий постановки и решения данной проблемы, следует употреблять понятие «право в субъективном смысле», придав ему категориальное значение. Известная истина о том, что не существует субъективного и объективного права, но существует право, которое в контексте правоотношений может рассматриваться в субъективном и объективном смыслах, должна приобрести значение постулата, вытеснив собой неопределенность понятий «субъективное право» и «объективное право». При этом, следуя позитивно-нормативной логике постановки проблемы, предложенной М.Н. Капустиным, естественное право необходимо интерпретировать как философскую идею, принцип, в юридической сфере приобретающий нормативную форму соотношения прав и обязанностей.

Список литературы:

[1] Иванов Э.И. Понятие субъективного права // Марийский юридический вестник. 2011. Выпуск 8.

[2] Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2000.

[3] Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М.С. Строгович. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

[4] Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву / отв. ред. А.И. Рогожин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1958. Ч. 1.

[5] Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. М.: Наука, 1949. № 8. С. 33–35.

[6] Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955.

[7] Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Нормы права и правоотношения / ред. Г.И. Петрищева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964.

[8] Власенко Н.Н. Очерки общей теории права. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009.

[9] Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001. – 776 с.

[10] Васев И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория: Автореферат дисс… канд… юрид наук. Екатеринбург, 2011.

[11] Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб.: Типография одиночной Санкт-Петербургской тюрьмы, 1893.

[12] Устинов В.М. Памяти М.Н. Капустина. Речь, читанная в Санкт-Петербургском Юридическом обществе 4 декабря 1899 г. // Вестник права. 1900. Янв.

[13] Виноградов П.Г. Очерки теории права. М.: Товарищество А.А. Левенсона, 1915. – 155 с.

[14] Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле: гносеологический аспект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4 (227). С. 129 – 143.

Spisok literatury:

[1] Ivanov E.I. Ponyatie sub”ektivnogo prava // Marijskij yuridicheskij vest-nik. 2011. Vypusk 8.

[2] Ioffe O.S. Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. – M.: Statut, 2000.

[3] Kechek’yan S.F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve / otv. red. M.S. Strogovich. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958.

[4] Vil’nyanskij S.I. Lekcii po sovetskomu grazhdanskomu pravu / otv. red. A.I. Rogozhin. – Har’kov: Izd-vo Har’kovskogo un-ta, 1958. CH. 1.

[5] Bratus’ C.H. O sootnoshenii grazhdanskoj pravosposobnosti i sub”ektivnyh grazhdanskih prav // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. M.: Nauka, 1949. № 8. S. 33–35.

[6] Aleksandrov N.G. Zakonnost’ i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve. M.: Go-syurizdat, 1955.

[7] Alekseev S.S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava: kurs lekcij. Vyp. 2. Normy prava i pravootnosheniya / red. G.I. Petrishcheva. Sverdlovsk: Sredne-Ural’skoe knizhnoe izdatel’stvo, 1964.

[8] Vlasenko N.N. Ocherki obshchej teorii prava. Volgograd: Izdatel’stvo VolGU, 2009.

[9] Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal’-ko. M.: YUrist, 2001. – 776 s.

[10] Vasev I.N. Sub”ektivnoe pravo kak obshcheteoreticheskaya kategoriya: Avtorefe-rat diss… kand… yurid nauk. Ekaterinburg, 2011.

[11] Kapustin M.N. YUridicheskaya enciklopediya (dogmatika). SPb.: Tipografiya odinochnoj Sankt-Peterburgskoj tyur’my, 1893.

[12] Ustinov V.M. Pamyati M.N. Kapustina. Rech’, chitannaya v Sankt-Peterburgskom YUridicheskom obshchestve 4 dekabrya 1899 g. // Vestnik prava. 1900. YAnv.

[13] Vinogradov P.G. Ocherki teorii prava. M.: Tovarishchestvo A.A. Levensona, 1915. – 155 s.

[14] Matuzov N.I. O prave v ob”ektivnom i sub”ektivnom smysle: gnoseologiche-skij aspekt // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 1999. № 4 (227). S. 129 – 143.